

5 января 1982

Вечерний Ленинград

Г. ЛЕБЕДЕВА

ШТРИХИ
К ТВОРЧЕСКОМУ
ПОРТРЕТУ

ДУЭТ МАСТЕРОВ

с которыми они работают, активно формируют сегодняшний хореографический язык. Контакт с ними для артистов чрезвычайно плодотворен.

Последняя программа творческого вечера Большаковой и Гуляева подготовлена в содружестве с Леонидом Лебедевым. Современный танец у этого хореографа тесно переплетен с канонами классического балета, что придает его композициям особенную выразительность, внутреннюю динамичность. Артисты тонко чувствуют лебедевский стиль, их танец полон энергии, красивой силы, экспрессивен. Они создают образы обобщенные, философски значительные, часто чуждые какой бы то ни было бытовой характерности. Именно такому восприятию способствует передкая бессюжетность лебедевских «малых форм», почти полное отсутствие декорационного антуража, мы видим «чистый» танец, источник образности тут — сами пластические фразы, эмоциональные полутона, бесконечная содержательность движения. Это в большой степени свойственно хореографическим композициям на музыку Э. Вилла-Лобоса и И. Брамса.

«Двухголосие» заслуженных артистов РСФСР, лауреатов международных конкурсов Натальи Большаковой и Вадима Гуляева — исключительно интересное явление в современном ленинградском балете. Артистов отличают редкий талант чувствовать малейшее душевное движение партнера, профессионализм, осознанная индивидуальность стиля, широта жанрового диапазона, умение и желание работать. Художественное руководство Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова использует этот поистине «дар бесценный», бережно и перспективно создавая условия для творческого роста, совершенствования и многообразных поисков замечательных мастеров балета.

Об искусстве Натальи Большаковой и Вадима Гуляева можно сказать словами Михаила Фокина, писавшего о «художественном танце»: «Это одна из самых больших радостей, ощущение гармонии, красоты в своем собственном теле и, наконец, это прекраснейшее средство общения между людьми».

Л. ГИТЕЛЬМАН, доктор искусствоведения, профессор, С. МИХАЙЛОВ

Имена этих артистов связаны неразрывно. Уже более тридцати лет существует творческий союз артистов Театра имени С. М. Кирова Натальи Большаковой и Вадима Гуляева. Их представления о мире, об искусстве — едины. Их жизнь в искусстве танца — не случайные, эпизодические партнерства в спектаклях и концертных номерах, но подлинный дуэт, основанный на созвучии голосов, выводящий одну пластическую «мелодию».

Большакова и Гуляев «нашли» друг друга в период подготовки к Международному конкурсу артистов балета в Варне в 1968 году. Успешное выступление на нем — серебряные медали — скрепило этот союз. С тех пор они, став лауреатами и Московского конкурса в следующем году, станцевали вместе обширный репертуар в балетах классических и современных, ведущие партии в «Лебедином озере», «Спящей красавице», «Дон-Кихоте», «Жизели», «Сотворении мира», «Горянке», «Соборе Парижской богородицы»... Они успешно освоили различные хореографические стили, создали множество несхожих характеров. Языком пластики они рассказывают о величии человека, о его слабости и силе, о высокомо его предназначении, о любви, подвиге, надежде.

В пору художнической зрелости актер не только обретает отчетливые позиции в искусстве, но умеет их отстоять. Приходит к пониманию своей ответственности за однажды выбранный путь, за отпущенный природой дар. Большаковой и Гуляеву это чувство ответственности присуще в высокой мере. Согласные в главном, дополняя друг друга, они стремятся высказать в танце, балетной партии, концертном дуэте то, что волнует их сегодня. Они ищут в классическом балете, в героине давней эпохи «человека на все времена». Большакова и Гуляев всегда в поиске новой музыки или музыки классической, но услышанной ими по-новому, в созвучии с состоянием их души; всегда в поиске балетмейстеров, готовых откликнуться на их желание расширить свою творческую пластическую палитру.

В балете Т. Хренникова «Гу-

сарская баллада», поставленном О. Виноградовым и Д. Брянцевым, актеры исполняют центральные роли Шуры Азаровой и Ржевского. Героическое в этом спектакле существует в единстве с комическим. Готовность к подвигу обусловлена для героев любовью к жизни, к Родине. Гусарская удаля, бретерство в герое Гуляева очень выразительны, красивы. Он вспыльчив, заносчив, горд, сознает свою неотразимость, привык покорять женские сердца с налету, одним взглядом горящих, смеющихся глаз. Но в том-то и дело, что между пуншем и мимолетным романом в его жизни — бой с противником, который Ржевский ведет так же самозабвенно, лихо, презирая опасность. Гуляеву это богатство натуры гусарского поручика симпатично, ему нравится танцевать своего Ржевского. Верно найденное «зерно» характера, понятное и близкое актеру, обуславливает органичность существования в танце, оправданность многообразных пластических деталей.

В работе Большаковой это «приятие» героини столь же существенно. Более того: мы, наверное, не ошибемся, сказав, что такая творческая черта очень важна для обоих, свойственна их артистическим индивидуальностям. Шурочка Азарова, какой ее показывает Большакова, существо лиричное, мягкое, душевно богатое. В ней светится какая-то мальчишеская искорка озорства. Отправляясь на войну, героиня Большаковой движима стремлением вместе со всеми защитить Отчизну, но в то же время и жадной приключений. Балерина танцует увлеченно, полностью отдаваясь чувствам героини — то грусти от прощания с домом, то безудержно веселой, то внезапно вспыхнувшей девичьей гордости. На наших глазах девочка, восторженными глазами смотрящая на небрежно-обаятельного Ржевского, превращается в женщину, обретшую любовь и себя.

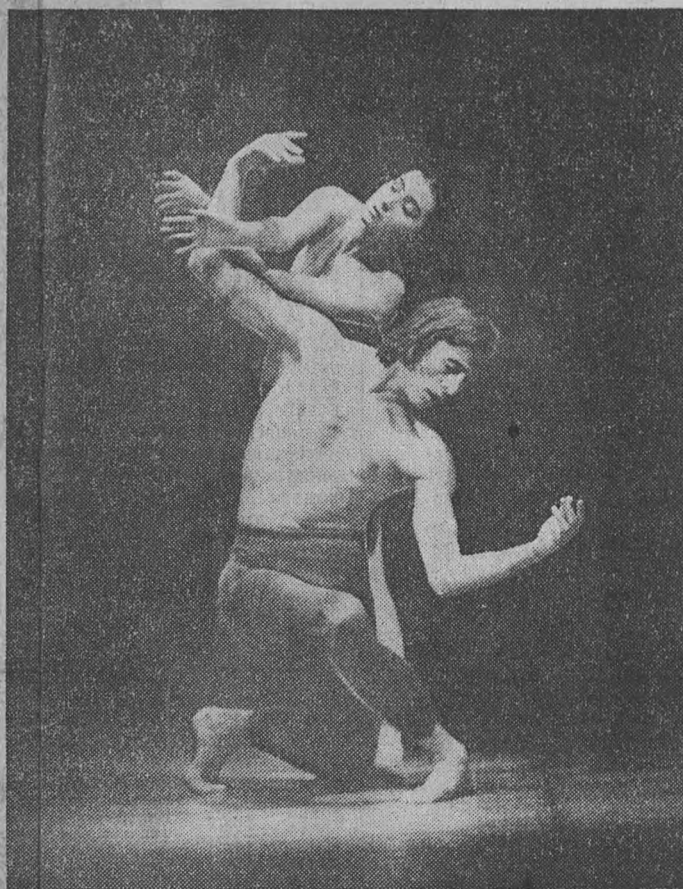
И совершенно иными предстают актеры в вокально-хореографической симфонии А. Петрова «Пушкин» (постановка Н. Касаткиной и В. Василева). Прикосновение к истории оказалось для них необычайно перспективным, по-

зволило раскрыть новые грани своего внутреннего мира.

Гуляев создает образ поэта и человека, живущего напряженно, страстно. Облик Пушкина как бы романтизирован, в танце он порывист, открыто эмоционален, неудержим. И в этой «откровенности страстей» — одна из причин трагедии героя, ибо истинность его эмоциональной жизни несовместима с искусственностью лукавого «света». Балетмейстеры особо подчеркивают это противостояние, явственно осязаемое в музыке А. Петрова. Нарочитость, рафинированность, холодность двора и — естественность, свобода танца Пушкина. Поэт и толпа, «светская чернь». Творец и мстительные посредственности. Из личной трагедии вырастает трагедия общественная. Гибель Пушкина предопределена его «особостью», избранностью, вдохновенностью. И, словно чувствуя неизбежность гибели, герой Гуляева взрывает тишину придворных балов, парадных выходов своим колким, злым, вызывающим танцем.

Пушкин яростно борется за Натали, не осознающую губительность светской мишуры. Натали у Большаковой — дитя «света», она изящна, обворожительна, грациозна. В сценах «света» ее танец холоден, изыскан, героиня словно любит себя, совершенством своих движений, она играет — легко, уповательно, чувствуя власть своей красоты. И лишь в дуэте с Пушкиным этот холод, неискренность исчезают, с ним Натали — человек, в «свете» — будто фарфоровая статуэтка. Но переход из одного мира в другой ничуть не травмирует героиню Большаковой, грань эта для нее зыбка. Игра ей нравится, льстит. Потому так отчаянный, так «предельный» попытка поэта вырвать ее из атмосферы призрачности, пробудить в ней искренности.

Большакова и Гуляев ищут себя в разных жанрах, в разных выразительных системах. Драма, трагедия, комедия... В хореографическом интерпретации гоголевской «Ревизора», сделанной О. Виноградовым на музыку А. Чайковского, мы вновь видим их в комедийном амплуа. Балетмейстер и исполнители идут в этом спек-

такле от Гоголя, от его толкования пьесы, не модернизируя «Ревизора», отдавая дань традиции (разумеется, традиции драматического театра — не балетного).

...В размеренность, своеобразную замедленность провинциального быта Хлестаков — Гуляев врывается подобно вихрю. Он приходит из другой жизни. Его пластика, изящество манер — блестяще усвоенная им внешняя форма «столичного» поведения — и становятся необходимым основанием подмены, происшедшей в сознании уездных чиновников, которые приняли его за важную персону. Сам же Хлестаков и не пытается никого обманывать. Просто такова его природа, природа игрока, вдохновенно жонглирующего позами, жестами, мимическими пассажами. Он упивается своей игрой в жизнь, хоть равным счетом ничего в ней не понимает.

Безусловно, роль Хлестакова — «труднейшая», как ее называл автор, — в центре спектакля, на этом герое сосредоточено внимание постановщика и зрителей. Но и работа Большаковой заслуживает высокой оценки: балерине удалось создать психологически точный, емкий образ Марьи Антоновны.

Настоящим художником всегда присуще стремление расширить пределы своего творческого мира, они ищут новое, пробуют себя в разных жанрах, стилях, встречаются с разным зрителем. В большой степени это свойственно Наталье Большаковой и Вадиму Гуляеву. Уверенно овладевая школой классического танца, неизменно повторяя слова М. Плисецкой «Классика — это паспорт в искусство», исполнив ведущие партии в балетах классического репертуара, они в то же время чутки к танцу современному. Балетмейстеры,